

Глава VI

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ПЛЕХАНОВА НА ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

Настоящая глава вводит нас в круг тактических проблем, вставших с началом революции перед рабочим классом и его марксистским авангардом. Рассмотрение их мы не случайно начинаем с главного и наиболее острого вопроса — вопроса о вооруженном восстании. Именно здесь проходил водораздел между революционной демократией и либеральным лагерем, между последовательными революционерами-большевиками и оппортунистами правого и «левого» толка. Отношение к вооруженному восстанию закономерно стало основным показателем революционности политических партий и отдельных политических деятелей. «...Кто против восстания, с теми мы боремся беспощадно...»¹ — в этой лаконичной ленинской формуле, может быть наиболее концентрированно и четко, выражена самая суть большевистской тактической позиции в годы первой российской революции.

Разумеется, большевики никогда не абсолютизировали вооруженных форм борьбы. Ленин подчеркивал, что марксизм, в отличие от всех примитивных форм социализма, никогда не связывает революционное движение лишь с одной формой борьбы, а признает самые различные способы обороны и нападения на классового врага. При этом марксисты не «выдумывают» их кабинетным путем, а отбирают и пропагандируют наиболее эффективные и перспективные методы революционного действия, возникшие в ходе массового движения. Второй заповедью марксизма в этой области является требование конкретно-исторического подхода к вопросу о смене различных форм борьбы, признание необходимости овладеть искусством использования всех без исключения — мирных и вооруженных, парламентских и внепарламентских, легальных и нелегальных — методов борьбы пролетариата и его партии². Задача заключается в том, учил Ленин, чтобы идти в ногу с рево-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 249.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 1, 2.

люционной практикой, брать на вооружение каждое ее достижение и постоянно соотносить тактику партии с общеполитической обстановкой в стране, настроением масс и международной ситуацией.

В конкретных условиях России начала XX в. революционерам не приходилось всерьез рассчитывать на возможность мирного решения вопроса о власти. Царизм не собирался сдавать своих позиций не только революционному лагерю во главе с пролетариатом, но даже либералам. Самодержавие могло лавировать, идти на отдельные уступки, создавать видимость конституционных порядков, но уступать власть без самой жестокой вооруженной борьбы оно не собиралось. Не позволяла рассчитывать на мирный путь развития революции и международная обстановка — силы европейской реакции были еще достаточно могущественны и агрессивны, чтобы не примириться с победой в России революционного народа. Вот почему Ленин, признававший предпочтительность для революционеров мирного пути завоевания власти³, указывал в 1905—1907 гг. на беспочвенность надежд на добровольную капитуляцию царизма и говорил: «...власть надо взять силой, борьбой, восстанием»⁴.

Проблему вооруженного восстания против самодержавного строя обсуждали в 1905 г. и в социал-демократических, и в эсеровских, и даже в либеральных кругах. Но если либералы всячески доказывали ненужность и пагубность восстания, то революционные партии спорили между собой главным образом о другом: можно ли организовать и технически подготовить восстание, или в этом деле следует всецело положиться на стихийное развитие событий? Как вести вооруженную борьбу с правительственными войсками в условиях больших городов? Что нужно делать для завоевания на сторону революционного народа армии, в массе своей остающейся пока верной старому режиму?

С самого начала революции большевики рассматривали лозунг восстания как *основной* тактический лозунг партии и развернули большую организационно-техническую работу по подготовке вооруженной борьбы пролетариата с самодержавием. Специальный пункт резолюции III съезда РСДРП о восстании, написанной Лениным, гласил: «...принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата,

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 264.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 357.

а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников»⁵. Большевики создавали и обучали рабочие боевые дружины, вели большую работу в армии и флоте, уделяли много сил и средств вооружению будущих участников восстания. Это была единственная революционная партия, которая серьезно и планомерно готовилась к вооруженной борьбе с самодержавием.

Меньшевики не отрицали в принципе неизбежности вооруженного столкновения пролетариата с силами реакции, но считали, что подготовка к восстанию должна ограничиться в основном агитационно-пропагандистской работой, поскольку восстание есть стихийный, не поддающийся предварительной организации акт, главное в котором — это настроение масс, их психологическая готовность вступить в бой с царизмом. На V съезде РСДРП Мартов изложил своего рода кредо меньшевизма по вопросу о восстании, заявив: «Социал-демократическая партия может принимать участие в восстании, призывать массы к восстанию, определять свое отношение к восстанию как форме революционной борьбы народных масс; но *готовить* восстание она не может, если остается на почве своей программы, если не становится партией заговора»⁶. Лишь отдельные меньшевики-практики, близко стоявшие к рабочей массе и испытывавшие на себе сильное влияние со стороны большевиков, сумели преодолеть в какой-то мере порочные концепции своих руководителей и принимали участие в подготовке и проведении вооруженных восстаний в 1905—1906 гг. Однако их позиция была не типична для меньшевизма как политического течения.

Что касается «героев левой фразы» — эсеров, то на словах они были горячими сторонниками заранее подготовленного, всенародного восстания⁷, немало говорили о необходимости согласованных выступлений крестьян, солдат и рабочих, подчеркивали важность революционной работы в войсках, значение соединения стачки с восстанием, роль боевого аппарата партии⁸. I съезд социалистов-революцио-

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 121.

⁶ Пятый (Лондонский) съезд РСДРП: Протоколы. М., 1963, с. 62.

⁷ Революционная Россия, 1905, 25 апр., 1 сент.

⁸ Партийные известия, 1906, 22 окт.

перов, состоявшийся в конце декабря 1905 — начале января 1906 г., призвал партию готовиться на случай стихийного возникновения восстания «в техническом, стратегическом и иных отношениях»⁹. Однако на практике эта подготовительная работа ограничивалась в основном террористическими актами против видных деятелей царской администрации и созданием ряда военных организаций, что само по себе еще не решало проблему подготовки народных масс к восстанию¹⁰. Эсеровский подход к восстанию сплошь и рядом оборачивался на практике авантюризмом и «вспышкопускательством», беспочвенным прожектерством, полным неумением считаться с реальной обстановкой и настроениями масс¹¹. При этом главную ставку эсеры делали на военные восстания, рассматривая их как решающий фактор, обеспечивающий победу над самодержавным строем.

Как показали вооруженные восстания 1905—1906 гг., меньшевики и эсеры не имели ни ясного плана действий, ни твердых убеждений и принципов в этом важнейшем вопросе революционной тактики. В лучшем случае это были лишь ненадежные и колеблющиеся попутчики восстания, а не его руководители и организаторы. На последовательно революционных позициях в вопросах восстания стояла в России лишь одна партия — партия большевиков.

Подход Плеханова к проблеме восстания отличался крайней противоречивостью и претерпел в годы революции значительные изменения. В основе его взглядов по этому вопросу лежали два совершенно правильных положения:

1. «Социал-демократия в каждое данное время и в каждой данной стране отстаивает те средства борьбы, которые она, по обстоятельствам места и времени, находит наиболее целесообразными. Там, где наиболее целесообразны „мирные“ средства, она отрицает насильственные действия; там, где наиболее целесообразны насильственные действия, она поворачивается спиной к „мирным“ средствам».
2. Российские социал-демократы никогда не могли выработать в себе особого пристрастия к «законности», так как сама обстановка самодержавного государства постоянно внушала им мысль о неизбежности вооруженной борьбы

⁹ Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. СПб., 1906, с. 231.

¹⁰ Партийные известия, 1907, 30 марта.

¹¹ Об отношении эсеров к восстанию см.: Борьба большевиков за армию в трех революциях. М., 1968, с. 60.

с царизмом¹². Великие исторические вопросы, подчеркивал Плеханов, разрешаются в конечном счете огнем и мечом, «критикой посредством оружия»¹³.

Не ставя своей задачей последовательно проследить развитие взглядов Плеханова на проблему вооруженного восстания до 1905 г., отметим здесь лишь одну его важную работу — предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (1900). Здесь он определил свое отношение к взглядам Энгельса, которого теоретики II Интернационала во главе с Каутским старались представить в последние годы его жизни безусловным противником вооруженных методов борьбы рабочего класса¹⁴. Плеханов подчеркивал, что Энгельс осуждал не насильственные действия вообще, а лишь преждевременные восстания, и поэтому его взгляды не имеют ничего общего с позицией реформистов. Высказывания Энгельса, писал он, носят не общий, а частный характер и относятся лишь к конкретной обстановке в Германии середины 90-х годов. А это значит, что «не всякое народное восстание

¹² Плеханов Г. В. Соч., т. 13, с. 190. О принципиальной возможности установления политического господства рабочего класса мирным путем см. также: т. 12, с. 228.

¹³ Плеханов Г. В. Соч., т. 13, с. 354.

¹⁴ Имеется в виду фальсификация написанного в 1895 г. Энгельсом предисловия к работе Маркса «Классовая борьба во Франции в 1848—1850 гг.» во время публикации его сначала в журнале «Die Neue Zeit» (редактор — К. Каутский), а затем отдельной брошюрой, когда издателями были сделаны важные смысловые купюры, искажавшие подлинные взгляды Энгельса на вооруженное восстание. Так, были опущены, в частности, следующие слова Энгельса: «Значит ли это, что в будущем уличная борьба не будет уже играть роли? Нисколько. Это значит только, что условия с 1848 г. стали гораздо менее благоприятными для бойцов из гражданского населения, гораздо более благоприятными для войск... Поэтому уличная борьба будет происходить реже в начале большой революции, чем в дальнейшем ее ходе, и ее надо будет предпринимать с более значительными силами. А силы эти... предпочтут, надо думать, открытое наступление пассивной баррикадной тактике» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 543). Плеханов не знал о фальсификации текста Энгельса, но чувствовал, что здесь произошло что-то неладное. Когда в конце 1904 г. меньшевик Мартынов принес ему для ознакомления рукопись брошюры «Две диктатуры», где со ссылкой на Энгельса было сказано о невозможности в XX в. баррикадных боев, Плеханов посоветовал ему выбросить это место, сказав: «Я не допускаю, чтобы Энгельс стал отрицать возможность баррикадных боев. Это дело надо еще расследовать» (Мартынов А. С. Воспоминания из эпохи II съезда РСДРП. М., 1934, с. 64).

безнадежно и в настоящее время». Восстанавливая подлинный смысл предисловия Энгельса, Плеханов подчеркивал, что «социалисты восторжествуют тогда, когда революционные идеи проникнут в армию...». Отсюда Плеханов делал важный вывод: чем шире будут распространяться в массах идеи социализма, тем больше будет шансов на успех восстания.

Касаясь вопроса о тактике баррикадной борьбы, Плеханов отмечал, что даже во время буржуазных революций XIX в. баррикады имели не столько военное, сколько морально-психологическое значение, позволяя восставшим влиять на настроения солдат. Кроме того, как писал Плеханов, баррикады «представляют собой лишь частный случай борьбы открытой силой». Все это вместе взятое привело его к выводу, что восстание отнюдь не является в новых исторических условиях чем-то безнадежным и заранее обреченным на неудачу¹⁵.

Выступление Плеханова в защиту идеи восстания сыграло крупную положительную роль в правильной ориентации российского пролетариата и его социал-демократического авангарда на вооруженную борьбу с самодержавием. Большое значение имела также популяризация Плехановым марксистской идеи о необходимости борьбы за армию как важнейшей предпосылки успешного восстания и его мысль о многообразии форм вооруженной борьбы, получившая затем подтверждение в «новой баррикадной тактике», с успехом применявшейся в ходе Декабрьского вооруженного восстания в Москве, и в тактике партизанских действий, получивших широкое распространение в 1906 г. К сожалению, сам Плеханов в это время оказался уже не способен сделать правильные выводы из собственных теоретических посылок, подкрепленных практикой революции.

Надо сказать, что в начале революции позиция Плеханова по вопросу о восстании выгодно отличалась от официальной позиции меньшевистских лидеров, изложенной в брошюре Мартынова «Две диктатуры» и в статье Мартова «Девятое января». Первый возмущался тем, что большевики собираются «назначить» и подготовить вооруженное восстание, второй предлагал вместо практической подготовки к восстанию «вооружить народ одним незамеченным оружием — жгучей потребностью напасть на само-

державие и вооружиться для этого» («самовооружение для целей восстания») и подчеркивал, что задача партии состоит не столько в том, чтобы «организовать» революцию, сколько в том, чтобы «развязать» потенциальные революционные силы¹⁶.

Оба эти выступления представляли собой образец хвостистской, оппортунистической тактики, за которую всегда бичевал меньшевиков Ленин. Отвечая Мартынову, он, в частности, писал: назначить революцию действительно нельзя, а назначить стачку или восстание можно, если партия, определяющая их срок, пользуется влиянием среди массы и умеет правильно оценить момент¹⁷. Столь же опасны были и рассуждения Мартова о «самовооружении» пролетариата, означавшие на практике отказ от планомерной и централизованной подготовки к предстоящему восстанию.

Очевидно, эту внутреннюю противоречивость меньшевистского подхода к вопросу о восстании почувствовал и Плеханов, выступивший 10 февраля 1905 г. в «Искре» со статьей «Врозь идти, вместе бить». Бесспорно, в ней уже отразились оппортунистические взгляды «нового», повернувшего к меньшевизму Плеханова, его кардинальная установка на сотрудничество пролетариата и буржуазии как необходимое условие успешной буржуазной революции. Однако именно в этой статье очень четко проявилась и «особая позиция» Плеханова, выгодно отличавшая его в то время от меньшевиков типа Мартова, Мартынова, Дана. В наиболее ярких местах этой статьи перед нами предстает как будто прежний Плеханов — боец, оптимист, революционер-«якобинец». Напомнив читателям, что еще в 1902 г. он писал о необходимости устраивать массовые вооруженные демонстрации, призванные воспитать народ для неизбежного в России вооруженного восстания¹⁸, Плеханов подчеркнул, что теперь, в 1905 г., этот вопрос встал уже вполне конкретно, ибо речь ныне идет не о том, неизбежно восстание или нет, а о том, близок ли его момент, наступает ли, наконец, то время, когда подготовка к открытой вооруженной борьбе явится «серьезным делом серьезных революционеров».

Если Великая французская революция началась со штурма Бастилии, то в России начало революции поло-

¹⁶ Искра, 1905, 27 янв. (9 февр.).

¹⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 257—259.

¹⁸ Плеханов Г. В. Соч., т. 12, с. 191, 192; т. 13, с. 190.

¹⁵ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1956, т. 2, с. 500, 501.

жил, как известно, расстрел мирного шествия безоружных петербургских рабочих, осмелившихся просить у царя защиты от своих угнетателей. Царь сам объявил гражданскую войну своему народу, сам толкнул его на путь восстания. События 9 января убедительно показали, что для борьбы с самодержавным строем нужны не иконы и церковные хоругви, которые были 9 января в руках у демонстрантов, а настоящее оружие. Именно этот урок Кровавого воскресенья и выделил в своей статье Плеханов. Движение 9 января, писал он, было лишь первым шагом рабочего Геркулеса, стряхивающего с себя политическую дремоту. Но за этим первым шагом скоро последуют другие, все более и более сознательные, обдуманные и решительные. «Пролетариат не может пошевелиться без того, чтобы не затрещало безобразное здание царизма, и именно это обстоятельство... делает неизбежными у нас теперь кровавые столкновения народа с вооруженной силой правительства. Мы обязаны позаботиться о том, чтобы при таких обстоятельствах народ был вооружен не церковными хоругвями и не крестами, а чем-нибудь более серьезным и действенным. Вопрос о вооруженном столкновении нашего пролетариата с царским правительством ставится на очередь неотвратимой логикой истории. Мы, со своей стороны, можем сделать только одно: *постараться разрешить его в пользу пролетариата*».

Плеханов подчеркнул, что неверно говорить, будто усовершенствованная военная техника заранее обрекает народное восстание на неудачу. Но даже если бы это было и так, «то и тогда нам все-таки не следовало бы отказываться от мысли о поддержке такого восстания, потому что пассивное отношение нашего народа к гнусностям, совершаемым его правителями, было бы самым ужасным из всех возможных видов его поражения, сделав его неизлечимым рабом и осудив его на вечную политическую незрелость. А кроме того, необходимо помнить, что убеждение в невозможности удачного восстания совсем не так основательно, как это кажется на первый взгляд»¹⁹.

Несомненный интерес представляют и сформулированные Плехановым условия победы восстания. Прежде всего оно должно быть восстанием широкой массы, а не маленькой кучки заговорщиков. «Не имея за собой массы, — писал Плеханов, — мы, несмотря ни на какое самоотвержение,

¹⁹ Там же, т. 13, с. 191.

ни на какую „конспиративную“ сноровку, должны заранее признать свое дело окончательно проигранным». Вторым условием успеха повстанцев, по мнению Плеханова, является поддержка со стороны «общества», третьим — дезорганизация правительственной власти в центре страны и на местах, четвертым — завоевание на сторону революции войска²⁰. И если оставить в стороне апелляцию Плеханова к сочувствию либерального «общества», в которой, несомненно, проявился его меньшевистский оппортунизм, то можно смело утверждать, что остальные условия победы народного восстания были намечены им совершенно правильно и во многом перекликались с целым рядом известных ленинских положений о вооруженном восстании, сформулированных в 1905, а затем в 1917 г.

Правда, в статье «Врозь идти, вместе бить» не обошлось без выпадов в адрес большевиков: так, Плеханов прозрачно намекнул, что все попытки заговорщиков-бланкистов (с которыми меньшевики часто сравнивали большевиков) вызвать восстание к заранее намеченному сроку заканчивались полной и порой довольно жалкой неудачей, поскольку у французских тайных обществ никогда не было широкой опоры в народных массах. Однако замечание это (безусловно правильное, если рассматривать его как предостережение против левацкого авантюризма и сектантства, с которым не имела ничего общего тактика большевиков), не играло в статье доминирующей роли.

Наоборот, в решениях меньшевистской Женевской конференции по вопросам восстания²¹, явившихся своеобразным компромиссом между изложенной выше позицией Мартова — Мартынова и основными положениями статьи Плеханова «Врозь идти, вместе бить», на первый план вышли самые слабые стороны меньшевизма: ставка на стихийность, подмена практической подготовки восстания пустыми разговорами о «решительной борьбе с абсолютизмом» и т. п.

Резолюция начиналась с заявления о том, что социал-демократия ставит своей задачей готовить массы к восстанию, подчинить его своему влиянию и руководству и использовать в интересах рабочего класса. Здесь же указы-

²⁰ Там же, с. 196.

²¹ Главную роль в комиссии по выработке резолюции о восстании на Женевской конференции играли Аксельрод и Мартынов. См.: Первая общерусская конференция партийных работников. Женева, 1905, с. 34.

валось на то, что залогом его успеха является быстрое вовлечение широких слоев народа в борьбу с царизмом. Но тут же подчеркивалось, что «возможность приурочить одновременное и повсеместное восстание к заранее назначенному сроку и подготовить его конспиративно-организационными средствами *исключается* уже одной слабой организацией передовых слоев пролетариата и неизбежным стихийным характером революционного движения... народных масс...». Такая исходная посылка, носившая явно оппортунистический характер, сразу же придавала всему меньшевистскому документу сугубо книжный, академический характер, лишала его серьезного практического значения и реальной ценности. Рекомендации конференции по подготовке восстания сводились к пожеланиям расширять агитацию на почве текущих политических событий, «укреплять в массах сознание неизбежности революции, необходимости быть всегда готовыми к вооруженному отпору и возможности его превращения в каждый данный момент (?) в восстание»²².

Правда, конференция приняла без обсуждения (за нехваткой времени!) еще одну, и притом гораздо более важную, резолюцию «О вооружении», где снова повторялась мысль о «самовооружении» народа, но все же предлагалось обсуждать на рабочих собраниях планы нападения на правительственные учреждения, склады с оружием и даже планы захвата городов во время предстоящего восстания, выделять часть средств на приобретение оружия для боевых дружин и создавать при партийных комитетах особые технические группы по этим вопросам²³.

Однако очень характерно, что эта резолюция даже не рассматривалась на конференции и не оказала сколь-нибудь значительного влияния на практическую работу меньшевиков. В тех немногочисленных случаях, когда меньшевики все же создавали самостоятельные боевые дружины, перед ними ставились главным образом задачи обороны от черной сотни и полиции. В дни Декабрьского вооруженного восстания в Москве среди дружинников было лишь около 200—250 меньшевиков²⁴, а в других местах их было еще меньше.

Сокровенный смысл решений меньшевистской Женев-

²² Там же, с. 28.

²³ Там же, с. 29.

²⁴ Яковлев Н. Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957, с. 118.

ской конференции по вопросу о вооруженном восстании можно было бы изложить так: что бы ни делала партия по подготовке восстания (а сделать она могла, по мнению меньшевиков, очень немного), эта работа неизбежно будет перечеркнута революционной стихией, управлять которой социал-демократия, по крайней мере на данном этапе движения, бессильна. Не может быть и речи ни о конкретных сроках, ни о плане восстания, ибо революцию можно «развязать», но ею нельзя «управлять». А раз это так, то главные усилия сознательного пролетариата, как полагали меньшевики, должны быть направлены не на техническую, а на агитационно-пропагандистскую подготовку восстания, на «раскачку», «возбуждение» и «вооружение» масс «идеями» вооруженной борьбы. Кроме того, в резолюции не было даже намека на необходимость развертывания революционной работы в войсках — а эта мысль тоже была одной из сильных сторон в плехановских взглядах на восстание. В итоге конференция приняла бесцветный, лишенный всякой конкретности документ, явно неспособный мобилизовать массы на подготовку к решительному бою с самодержавным режимом, органически чуждый марксистскому пониманию восстания как искусства и потому совершенно не соответствовавший тому моменту, который переживала весной 1905 г. Россия.

Ущербность меньшевистского подхода к проблеме восстания становится еще более очевидна при сравнении его с постановкой этого же вопроса на III съезде РСДРП, заслушавшем, как известно, доклады А. В. Луначарского (подготовленный в соответствии с конкретными советами и указаниями В. И. Ленина) и А. А. Богданова, в которых была дана не только общетеоретическая, но и вполне практическая, деловая постановка вопроса о восстании. На съезде отмечались, в частности, роль всеобщей политической стачки как исходного момента восстания, необходимость поддержки пролетариата со стороны мелкой буржуазии города и особенно крестьянства, важность революционного воздействия на армию и флот. Подчеркивалось также, что «дело вооружения рабочих масс и дело организации ядра революционной армии, а также дело выработки стратегического и тактического плана революционных битв есть прямая и существенная обязанность с.-д. организаций»²⁵.

Большевики отнюдь не игнорировали агитационно-про-

²⁵ Третий съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959, с. 108.

пагандистской стороны подготовки к восстанию. «Мы должны вооружить не только руки борцов за свободу, но и головы», — говорил нижегородский делегат В. А. Десницкий (Строев)²⁶, которого поддержал саратовец В. М. Обухов²⁷. Точно так же не снимался с повестки дня и вопрос о «самовооружении» масс, ибо партия не могла в то время вооружить всех, кто хотел драться с царизмом. Допускалось, наконец, и наличие неизбежного во всяком крупном революционном движении стихийного элемента²⁸. Но в отличие от меньшевиков большевики всячески подчеркивали *организационно-практические* задачи партии в связи с нарастанием тяги пролетарских масс к вооруженной схватке с самодержавием. Тот, кто призывает к бою, должен уметь идти впереди как руководитель, говорил А. В. Луначарский, должен сам создавать благоприятные условия для восстания, а не ждать его стихийного начала²⁹.

Начавшаяся революция перенесла центр тяжести социал-демократической работы с агитации за предстоящее в неопределенном будущем восстание, как это было в предреволюционный период, на конкретную практическую работу по военно-технической подготовке нарастающего и приближающегося с каждым месяцем широкого народного восстания. Не случайно Ленин призывал на III съезде тщательно изучить опыт практиков, петербургских, рижских и кавказских рабочих³⁰, которые не просто «теоретизировали» о восстании подобно меньшевикам-интеллигентам, а на деле готовили его и пробовали свои силы в первых открытых боях с царскими войсками, полицией и жандармами. Как подчеркивал на съезде Л. Б. Красин, для подготовки восстания нужен был *навык* борьбы, конкретный опыт вооруженных митингов и демонстраций, а также отдельных боевых акций против представителей правительственной власти³¹.

К лету 1905 г. отдельные вспышки вооруженных восстаний против царизма стали уже неотъемлемой составной частью революционных событий в самых разных районах страны. От первых стихийно возникших вечером 9 января баррикад на петербургских улицах пролетариат шагнул

²⁶ Там же, с. 128—129.

²⁷ Там же, с. 136, 137.

²⁸ Там же, с. 119, 107.

²⁹ Там же, с. 101.

³⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 114.

³¹ Третий съезд РСДРП: Протоколы, с. 119.

в мае 1905 г. к трехдневной баррикадной борьбе в Лодзи. Восстанием крестьян против царских властей была охвачена Гурия. А в июне вспыхнуло восстание на броненосце «Потемкин», в ходе которого на сторону революции впервые перешел довольно крупный (свыше 750 человек) отряд моряков, реально доказавших, что армия и флот могут быть союзниками революционного народа и активными участниками борьбы с царским самодержавием.

Восстание на «Потемкине» привлекло к себе самое пристальное внимание и большевиков, и меньшевиков. В заметке «Князь Потемкин Таврический» (август 1905 г.) Плеханов формулирует важное положение о том, что для победы революции над старым режимом нужен переход хотя бы части войска на сторону народа. «Восстание на броненосце „Потемкин“, — писал он, — показало всем и каждому, что мысль о таком переходе не включает в себе ничего фантастического. Оно свидетельствует о том, что рабочие и крестьяне, одетые по приказанию начальства в военную — сухопутную или морскую — „форму“, далеко не так недоступны влиянию великих освободительных идей нашего времени, как это могли думать некоторые недостаточно осведомленные сторонники свободы. Оно дало другим частям войска хороший пример, который, наверно, не останется без подражания. И в этом заключается огромное значение восстания на „Князе Потемкине-Таврическом“. Труден только первый шаг. Честь и слава тем, которые его сделали». В то же время Плеханов подверг справедливой критике выжидательную, пассивную тактику повстанцев, которые не высадили десант в Одессе и не вооружили местных рабочих, упустив время для внезапного нападения на врага. «Надо, — подчеркивал Плеханов, — чтобы матросы и солдаты, сбрасывающие с себя ярмо рабского повиновения офицерам, как можно скорее сливались с революционной народной массой. Это — необходимое условие победы»³².

Если вспомнить те инструкции, которые давал В. И. Ленин большевику М. И. Васильеву-Южину³³, направленно-

³² Плеханов Г. В. Соч., т. 13, с. 320—322.

³³ «Постарайтесь во чтобы то ни стало попасть на броненосец, убедите матросов действовать решительно и быстро, — говорил Ленин Васильеву-Южину. — Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих,

му заграничным партийным центром для связи с восставшим «Потемкиным», то нетрудно убедиться в том, что советы Плеханова во многом перекликались со взглядами Ленина, хотя ленинская инструкция была значительно шире по замыслу и исходила из принципиально иной стратегической установки на союз рабочих и крестьян, а не на координацию действий рабочих и «общества», как это было у Плеханова.

В ноябре 1905 г. Плеханов поднимает в «Дневнике» вопрос о необходимости деморализации правительственных войск путем привлечения на сторону революции хотя бы части офицеров³⁴, а также проблему вооружения дружинников. Недостаточно приобрести револьверы или кинжалы, надо еще научиться владеть ими, писал он, надо срочно пополнять пробелы нашего революционного образования, как это делали в свое время народовольцы. «Умение хорошо владеть оружием должно стать в нашей среде предметом законной гордости со стороны тех, которые им обладают, и предметом зависти со стороны тех, которые его еще не достигли. Ввиду неслыханных зверств, совершаемых контрреволюционерами, мы в свою очередь должны быть готовы на все. Конечно, кровопролитие не может быть привлекательно ни для кого, кроме озверевших и опьяневших горилл из черных сотен; но оно начато не нами, и еще покойный П. Л. Лавров справедливо сказал, обращаясь к русскому революционеру: „Не ты виной, когда в бою кровь неповинная прольется! Без жертв, без крови, без борьбы народам счастье не дается!“³⁵.

В то же время Плеханов совершенно правильно предупреждал, что к восстанию нельзя относиться легкомысленно, особенно в такое время, когда «ружья и револьверы начинают стрелять сами собой». Царизм стремится вызвать массы на улицу в тот момент, когда они еще не готовы к этому. Поэтому нельзя поддаваться на провокацию. Прежде чем начинать восстание, нужно к нему подготовиться, подчеркивал Плеханов.

самым решительным образом агитируйте среди крестьян... Необходимо сделать все, чтобы захватить в наши руки остальной флот...» (Васильев-Южин М. И. В огне первой революции. М., 1955, с. 47—48).

³⁴ Настроение офицеров, развивал свою мысль Плеханов, тесно связано с настроением «общества». Поэтому «бестактности» в отношении либералов объективно уменьшают шансы вооруженного восстания. См.: Плеханов Г. В. Соч., т. 13, с. 347, 348.

³⁵ Там же, с. 352.

Таков в общих чертах тот актив, с которым Плеханов подошел к знаменательному историческому рубежу — Декабрьскому восстанию 1905 г., ставшему кульминацией революции и вместе с тем переломным моментом в политической эволюции Плеханова, ознаменовав собой решительное усиление у него оппортунистических, упадочнических настроений.

Буквально за несколько дней до начала декабрьских боев в Москве у Плеханова отчетливо прозвучала мысль о том, что в сложившихся условиях восстание было бы ошибкой. Так, 3(15) декабря в письме, направленном в редакцию французской социалистической газеты «Юманите», Плеханов подчеркивал, что преждевременное восстание спасло бы сейчас старый режим, дав реакции предлог потопить его в крови. Поэтому звать пролетариат на немедленное восстание означало бы, по мнению Плеханова, толкать его к поражению³⁶.

5(18) декабря в письме петербургским меньшевикам³⁷ Плеханов упрекал и большевиков, и Троцкого, и поддавшихся его влиянию руководителей меньшевистской газеты «Начало» Мартова, Мартынова и других в желании «как можно скорее привести дело к развязке, к решительному столкновению». «Выгодно ли нам это?» — спрашивал Плеханов и отвечал: «Я думаю, что нет. Нам выгодно, наоборот, отсрочить решительное столкновение. Понятно — почему. С каждым днем силы нашего врага уменьшаются, а наши увеличиваются. Следовательно, шансы победы

³⁶ L'Humanite, 1905, 18 décembre. Поводом к этому обращению послужила публикация в «Юманите» 14 декабря 1905 г. двух писем Гапона, в которых он упрекал русских революционеров в том, что они призывают народ к немедленному восстанию, обреченному на неудачу. В этой связи, отметив явную эволюцию Гапона к соглашению с царским правительством, Плеханов старался отвести от меньшевиков обвинения в «подталкивании» рабочих к восстанию.

³⁷ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973, т. 1, с. 214—215. Меньшевистская газета «Начало» выходила при участии Троцкого, Парвуса, Потресова, Мартова, Мартынова, Дана в ноябре — декабре 1905 г. в Петербурге. Она призвала к установлению в России «рабочей демократии», введению демократических свобод, 8-часового рабочего дня. Газета резко критиковала в это время контрреволюционность русской буржуазии. Что касается крестьянства, то, признавая на словах его стихийную революционность, Троцкий тем не менее предрекал неизбежность его конфликта с пролетариатом. В целом программа газеты была выдержана в духе теории «перманентной революции».

нашей растут с каждым днем. Но теперь *пока* больше шансов на стороне врага. Излишне повторять те общие соображения о современной военной технике, которые вам хорошо известны. Укажу только на Севастополь, Кронштадт и Киев³⁸. Там часть солдат была против правительства, и все-таки правительство победило. То же было, как видно, на самых последних днях в Москве³⁹. И то же будет, разумеется, в Петербурге; на гвардейские полки рассчитывать невозможно, а одной гвардии достаточно, чтобы потопить в крови всякую попытку восстания. Таково положение дел, и нельзя не считаться с ним». Апеллировать к силе, продолжал Плеханов, можно лишь тогда, когда сила есть у самой революции, а пока ее нет, следует заниматься революционной агитацией. Как бы ни было трудно сохранять в настоящий момент хладнокровие, партия обязана не терять головы. «Ведь от того, отодвинете вы решительное столкновение или нет, зависит вся будущность нашего движения. Если мы теперь проиграем битву, реакция вздохнет свободно. Это кажется мне очевидным, а между тем ни в одном номере „Начала“ я не встречаю ни одного, ни единственного соображения в этом роде... Вы подвергаетесь действию раскаленной политической атмосферы Петербурга и постепенно утрачиваете чувство меры. Я наперед знаю, что вы не согласитесь с этим, но считаю своей обязанностью высказать вам свое мнение: бывают такие минуты, когда молчать нельзя».

Прошло около недели, и в Женеву пришло тяжелое известие о поражении московских рабочих. Десять дней с оружием в руках отстаивали они свое право на свободу, проявив при этом чудеса мужества и героизма. Но силы были слишком неравными, и царизму удалось подавить эту самую крупную за время революции вспышку народного гнева и жестоко расправиться с пролетариатом. Как же реагировал на все это Плеханов? Нашлось ли у него столь нужное пролетариату в этот трагический момент слово ободрения и поддержки? Сумел ли он сделать правильные выводы из уроков восстания?

³⁸ Имеются в виду вооруженные восстания матросов Севастополя и Кронштадта, а также солдатское выступление в Киеве в ноябре 1905 г., закончившиеся неудачей.

³⁹ Имеется в виду выступление солдат Ростовского полка в Москве, подавленное еще до начала Декабрьского вооруженного восстания московских рабочих.

Увы, Плеханов не нашел ничего лучшего, чем объявить всю тактику РСДРП после 17 октября 1905 г., включая и Декабрьское восстание, одной сплошной ошибкой. «Несвоевременно начатая политическая забастовка, — писал он в четвертом номере «Дневника», — привела к вооруженному восстанию в Москве, в Сормове, в Бахмуте и т. д. В этих восстаниях наш пролетариат показал себя сильным, смелым и самоотверженным. И все-таки его сила оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство нетрудно было предвидеть. А потому не нужно было и браться за оружие. Говорят: пролетариат принудил социал-демократию взяться за него. Но если это так, то восстания были более *стихийными*, чем *сознательными*. А в таком случае возникает вопрос, в чем же состоит теперь, ввиду ошибки, вызванной *перевесом стихийности*, практическая задача *сознательных элементов* нашего рабочего движения?»

Она заключается в том, чтобы указать пролетариату на его ошибку, чтобы выяснить ему всю рискованность той, — как выражался Маркс, — игры, которая называется вооруженным восстанием... Мы должны говорить пролетариату правду, всю правду и только правду. Мы должны иметь мужество указывать ему на его и на наши собственные ошибки.

Вы скажете мне, может быть, что я хочу тормозить движение. Я спорить и прекословить не буду. Почему и не затормозить его? Роль тормоза не всегда заслуживает осуждения. Ее играл Робеспьер, боровшийся с *жирондистами*, которые несвоевременно призывали к вооруженному восстанию. Ее играл в 1848 г. неисправимый заговорщик и неукротимый революционер Бланки. Ее играл руководимый Марксом Общий совет Международного товарищества рабочих, предостерегавший — в воззвании от 9 сентября 1870 г. — парижский пролетариат от несвоевременных вспышек⁴⁰.

Правда, несколькими строками ниже Плеханов писал, что движение российского пролетариата непобедимо, что социал-демократы могут со спокойной уверенностью повторить пророческие слова Н. Г. Чернышевского: «Пусть будет, что будет, а будет все-таки на нашей улице праздник!». Однако все это уже не могло сгладить впечатления, произведенного тем «уроком жизни», который вывел Плеханов из декабрьских событий 1905 г.

⁴⁰ Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 12.

«Не надо было и браться за оружие!» — всего одна фраза, но как много перечеркнула она в политической биографии Плеханова! Конечно, его вина состояла отнюдь не в том, что он нелюбезно указал на ряд негативных моментов связанных с подготовкой и ходом декабрьской борьбы. Ведь Ленин тоже говорил о них достаточно откровенно и резко, не скрывая ни объективных трудностей, которые не смогли преодолеть повстанцы, ни их просчетов и ошибок. Но главное заключалось в тех уроках на будущее, которые извлекли из восстаний в Москве и ряде других районов страны большевики и меньшевики, в самом их подходе к анализу закономерностей революционного процесса, с немалой логикой породившего вооруженное столкновение сил революции и реакции. И здесь Плеханов оказался настоящим банкротом, попав фактически в одну компанию с кадетскими злопыхателями, цинично высмеявшими устами Струве «бутафорские» московские баррикады и их защитников⁴¹.

Плехановская оценка декабрьских боев, если даже оставить в стороне ее морально-этический аспект, ни в малейшей степени не отражала реального значения этого восстания для российского и международного пролетариата. В декабре 1905 г. рабочие Москвы под руководством партии большевиков совершили подвиг, который навсегда вошел в историю нашей Родины. И даже поражение восстания и наличие в нем некоторых моментов, говоривших о недостатке у восставших опыта открытой вооруженной борьбы с превосходящими силами правительственных войск, не умаляет его всемирно-исторического значения.

К концу 1905 г. вооруженное восстание стало необходимым и неизбежным: к нему вела и объективная логика развития революционных событий, и работа большевиков, и подъем настроения пролетарских масс. Правда, к 10 декабря, когда на улицах Москвы начались бои рабочих дружин с верными царизму воинскими частями и отрядами полиции, трудное и сложное дело организационно-технической подготовки восстания еще не было завершено. Достаточно напомнить известные слова В. И. Ленина из письма к М. М. Эссен от 26 октября 1905 г.: «Время восстания? Кто возьмется его определить? Я бы лично охотно оттянул его до весны и до возвращения маньчжурской армии, я склонен ду-

⁴¹ Полярная звезда, 1905, № 1, с. 88; 1906, № 3, с. 225.

мать, что нам вообще выгодно оттянуть его. Но ведь нас все равно не спрашивают»⁴². Таким образом, Ленин, как и Плеханов, прекрасно понимал, что общая ситуация в стране в конце 1905 г. была не слишком благоприятна для начала вооруженной борьбы с царизмом. Но в отличие от Плеханова Ленин отдавал себе отчет в том, что бывают моменты, когда восстание может быть ускорено теми или иными привходящими обстоятельствами: провokационной политикой правительства, стихийным порывом масс и т. п.

Так и случилось в начале декабря 1905 г., когда пролетариат поднялся на защиту тех демократических свобод, которые ему удалось отвоевать в ходе Октябрьской всероссийской политической стачки и которые царизм намеревался теперь взять обратно. Арест Петербургского Совета рабочих депутатов, издание «временных правил» против забастовщиков, закрытие ряда прогрессивных газет, бесчинства подстрекаемых полицией и властями черносотенцев — все это остро поставило вопрос об отпоре зарвавшемуся правительству. Отступить без боя, стерпеть этот разгул реакции значило для партии показать свою слабость и деморализовать революционные силы. Кроме того, ситуация была такова, что восстание все равно прорвалось бы со стихийной силой и, лишённое партийного руководства, понесло бы лишь дополнительные и ничем не оправданные жертвы. Запретить его приказами «сверху» было невозможно, и это понимали даже московские меньшевики, которые присоединились к большевикам и высказались за проведение восстания.

Вопрос о восстании был решен в конечном итоге самими пролетарскими массами Москвы, путем своеобразного «референдума», проведенного 5 декабря на фабриках и заводах города. Голос пролетарской Москвы прозвучал твердо и единодушно: нужно бастовать и перевести стачку в восстание; если руководящие центры не учтут воли рабочих, самим подняться на борьбу⁴³.

Слов нет, восстание в Москве с самого начала имело очень немного шансов на поддержку пролетарского Петербурга, хотя столичные большевики и стремились

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 100.

⁴³ Васильев-Южин М. И. Московский Совет рабочих депутатов и подготовка им вооруженного восстания. М., 1925, с. 80; Рожков Н., Соколов А. О 1905 г. [М.], 1925, с. 24, 25.

оказать непосредственную практическую помощь своим московским товарищам⁴⁴. Сказались и усталость петербургского пролетариата, истощенного предшествующей стачечной борьбой, и сосредоточение в Петербурге значительных военных и полицейских сил, и оппортунистическая тактика меньшевистского руководства столичного Совета рабочих депутатов, и репрессии правительства, больно ударившие как раз накануне восстания по петербургской социал-демократической организации. И тем не менее революционная Москва, куда к концу 1905 г. переместился центр пролетарского движения в стране, решила взять на себя почин вооруженного выступления против царизма, хотя боевая подготовка московских рабочих к этому времени была еще далеко не закончена.

Явно не хватало оружия и военных знаний, не было заранее разработанного плана действий. Не оправдались и надежды на переход на сторону революции частей московского военного гарнизона, так как восстание Ростовского полка было подавлено еще до начала вооруженного выступления рабочих. Кроме того, руководители московского пролетариата допустили в декабрьские дни ряд ошибок, объяснявшихся их неискушенностью в искусстве восстания (выжидательно-оборонительная тактика, недостаточно активная борьба за войско, медленное приобщение к приемам партизанской войны в условиях большого города, почти полное отсутствие связей с революционной периферией). Наконец, пролетарская Москва не получила должной поддержки со стороны рабочих и крестьян других районов страны. Правда, она не осталась в своей борьбе одинокой, по восстания, вспыхнувшие в декабре 1905 г. в других городах страны, носили в основном оборонительный характер, были слабо связаны друг с другом и быстро потерпели поражение.

Однако означало ли это, что московским рабочим действительно не нужно было братья за оружие? Большевики ответили на этот вопрос предельно ясно: надо было братья за оружие в декабре 1905 г., надо будет братья за оружие и в будущем, но делать это более решительно и энергично, вести дело более организованно и планомерно, множить ряды участников восстания и их

⁴⁴ Шустер У. А. Петербургские рабочие в 1905—1907 гг. Л., 1976. с. 200—204; Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975, с. 146—152.

союзников, сделать его подлинно всенародным и подлинно всероссийским и довести до победного конца⁴⁵.

Эта трезвая и вместе с тем оптимистическая оценка итогов Декабрьского вооруженного восстания и сегодня служит образцом для всего международного рабочего движения, особенно для тех его отрядов, которые потерпели временное поражение и готовятся к новым классовым боям. «В часы неудач,— писал член Политкомиссии ЦК Коммунистической партии Чили В. Тейтельбойм после трагических событий сентября 1973 г.,— появляются, словно грибы после дождя, маловеры и нытики. Ленин дал им отпор в политическом и философском плане после первой русской революции. Полемицируя с Плехановым, он утверждал, что поражение в 1905 г. не означает, что в России закончен революционный период, и призывал готовиться к новым сражениям»⁴⁶. Очень хорошо сказал о принципиальном различии ленинского и плехановского подходов к оценке итогов и уроков революции 1905 г. Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Уругвая Родней Арисменди. Ленин, писал он, не пытается спрятаться за частоклолом авторитетных цитат и не усаживается в мягкое кресло «теоретического судьи», который призван судить события. Напротив, Ленин направляет разящие удары против тех, кто занимает эту обывательскую и созерцательную позицию, как он сделал это, воюя с Плехановым в связи с его отношением к революции 1905 г.⁴⁷

Особое возмущение Ленина вызвала попытка Плеханова сравнить свою позицию по вопросу о московском восстании с позицией Маркса в 1870 г. У Плеханова получалось так, что Маркс «тормозил» революцию накануне Парижской коммуны, а он, Плеханов,— в декабре 1905 г. В действительности при сравнении этих двух фактов, писал Ленин, открывается целая бездна. В самом деле, Плеханов, говоривший в ноябре 1905 г. о необходимости учиться владеть оружием и вооружаться, через месяц написал статью, которая стала чуть ли не евангелием кадетов. Маркс же, который в сентябре 1870 г.

⁴⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр., соч., т. 12, с. 180; т. 13, с. 322, 323, 371, 372.

⁴⁶ Цит. по: Зародов К. И. Три революции в России и наше время. М., 1975, с. 114.

⁴⁷ Арисменди Р. Ленин, революция, Латинская Америка. 2-е изд. М., 1975, с. 467.

действительно предостерегал рабочих от несвоевременного восстания и называл его безумием, решительно встал в дни Парижской коммуны на сторону пролетариата, преклонялся перед героизмом людей, штурмовавших, по его образному выражению, небо. Он выступил не как высокомерный моралист и резонер, не как всевидящий провидец, а как добрый советчик рабочих, как участник их великой борьбы, хорошо понимающий, что «попытка учсть наперед шансы с *полной точностью* была бы шарлатанством или безнадежным педантством». Маркс смотрел на мировую историю с точки зрения тех, кто ее творит, а не с точки зрения интеллигента-мещанина, который морализирует: «...легко было предвидеть», «не надо было браться...». Он умел видеть, что бывают такие моменты, когда отчаянная борьба масс даже за безнадежное на первый взгляд дело «*необходима* во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к *следующей* борьбе»⁴⁸.

Именно с таких позиций подходил к оценке декабрьских вооруженных восстаний и сам Ленин. Он твердо верил в близость новых решающих битв, восхищался мужеством московских рабочих и подчеркивал, что «декабрьской борьбой пролетариат оставил народу одно из тех наследств, которые способны идейно-политически быть маяком для работы нескольких поколений»⁴⁹.

Интересно сопоставить также мнение Плеханова с высказываниями ведущих деятелей международной социал-демократии о значении Декабрьского вооруженного восстания в Москве. Казалось бы, как раз с их стороны можно было ожидать того скепсиса и разочарования, которые так ярко проявились у Плеханова: ведь многим из лидеров II Интернационала до 1905 г. вообще казалось, что в современных условиях пролетариат уже не может идти в своей борьбе дальше всеобщей политической стачки⁵⁰. Тем не менее даже архисторожный

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 378—379. К. Цеткин метко сравнивала позицию Плеханова с позицией немецкого ревизиониста Фольмара, осудившего парижских коммунаров. См.: Первая русская революция и ее историческое значение. М., 1975, с. 480, 481.

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 215.

⁵⁰ Таких взглядов придерживался, например, до 1905 г. Каутский (см.: Лагардель Г. Всеобщая стачка и социализм: Международная анкета. СПб., 1907, с. 142, 153—155). Интересно отметить, что В. И. Засулич в октябре 1905 г. также готова была видеть

Каутский, не говоря уже о таких деятелях левого крыла II Интернационала, как Р. Люксембург, К. Либкнехт и другие, восторженно приветствовавших московских рабочих, выглядел по сравнению с Плехановым настоящим оптимистом.

В статье «Шансы русской революции», сравнивая декабрьское поражение московских рабочих с июньским 1848 г. поражением парижского пролетариата, Каутский отмечал четыре важных различия между ними: 1) рабочие России, не участвовавшие в восстании, не сломлены, собираются с силами и готовятся к новым боям, тогда как в 1848 г. поражение парижского пролетариата означало поражение всей рабочей Франции; 2) крестьяне в России стоят на стороне революции, тогда как во Франции они были на стороне «порядка»; 3) экономический и финансовый кризис в России продолжается, что сулит царскому правительству новые затруднения; 4) Россия стала родиной новой баррикадной тактики⁵¹, открывающей перед революцией новые перспективы⁵². Годом позже, в предисловии ко второму изданию книги «Социальная революция», Каутский писал, что после декабрьского опыта революционной Москвы он уже не может быть уверен в том, что вооруженное восстание и баррикадные битвы не сыграют решающей роли в грядущих революциях пролетариата. Ведь в Москве горстка людей «почти победила» правительственные войска, причем относительный успех баррикадной борьбы объяснялся двумя важными факторами: сочувствием широких масс городского населения и деморализацией войска. «Но кто возьмется утверждать, что нечто подобное невозможно и в Западной Европе?» — задавал риторический вопрос Каутский⁵³.

Своей оценкой Декабрьского восстания Плеханов по существу снял с повестки дня лозунг вооруженной борьбы с самодержавием, хотя и не решился сказать об этом

во всеобщей стачке «замену баррикад», новую форму народной революции XX в. См.: Социал-демократическое движение в России. М.; Л., 1928, т. 1, с. 163, 165.

⁵¹ Об отношении Ленина к понятию «новая баррикадная тактика», которое было весьма неточным и далеко не отражало опыта Московского восстания, см.: Грунт А. Я. Новая баррикадная тактика и вооруженное восстание 1905 и 1917 годов.— Вопросы истории, 1966, № 11.

⁵² Vorwärts, 1906, 28. Januar.

⁵³ Kautsky K. Die Soziale Revolution. Berlin, 1907, S. 5, 6.

прямо и определенно⁵⁴. При этом он дал сигнал к повороту вправо всего меньшевизма, фактически отказавшегося вскоре от самой мысли о возможности в ближайшем будущем нового вооруженного восстания.

Правда, на первых порах официальный меньшевизм еще не принял формулы Плеханова, капитулянтский характер которой слишком бросался в глаза и не мог встретить одобрения рабочих. Так, Мартов, анализируя итоги революционной борьбы в конце 1905 г., писал: были, конечно, ошибки и промахи, но суть дела не в них, а в том, что «революционные штабы не могли задержать бешеного натиска реакции и тем самым отсрочить наступление того момента, когда вступить в битву придется во что бы то ни стало, даже при незначительных шансах на победу». По мнению Мартова, предпочтительнее было бы медленное отступление, сопровождаемое «частными атаками и обходными движениями», но победило стихийное настроение масс, которое и привело к восстанию. Дальнейшая перспектива развития революционного движения представлялась ему в следующем виде: новое восстание неизбежно, поэтому нужно «удесятерить количество боевых дружин и снабдить их в десять раз более действительными средствами борьбы», но эта «техничко-боевая деятельность» успешнее всего пойдет не в подполье, а тогда, когда работа партии на три четверти будет совершаться открыто (?!). Таким образом, формальное признание лозунга восстания сопровождалось у меньшевистского идеолога ликвидаторскими по своей сути рассуждениями о том, что нелегальная партийная организация исчерпала себя, что партия должна перенести центр тяжести своей работы на участие в избирательной кампании и т. д.⁵⁵

На правом фланге меньшевизма растерянность и уныние приняли гораздо большие размеры. Так, один из

сторонников Плеханова, Н. Рахметов⁵⁶, писал ему вскоре после декабрьских событий: «Та болтовня (?! — С. Т.) о вооруженном восстании, которой все занимаются в России, может кончиться для партии очень и очень плохо — полным разгромом»⁵⁷. В. И. Засулич откровенно признавалась в письме к Я. В. Стефановичу, что только о том и мечтает, чтобы «не было „вооруженных выступлений“, пока правительство еще может и страстно хочет их давить»⁵⁸. Засулич считала, что в декабрьские дни 1905 г. партия «скомпрометировала» себя⁵⁹.

Таким образом, уже в первые месяцы 1906 г. обнаружилось два подхода к оценке Декабрьского восстания и определению дальнейших перспектив революционного движения — большевистский и меньшевистский. Большевики считали восстание полной неудачей пролетариата и социал-демократии, а многие из них откровенно признавали его даже ошибкой партии. Большевики, не закрывая глаза на слабые стороны этой первой крупной открытой схватки сил революции и реакции, подчеркивали положительные стороны декабрьских боев: в них была доказана принципиальная возможность восстания в новых исторических условиях, повстанцам удалось сравнительно долго продержаться против превосходивших их по численности и вооружению правительственных войск, отступить в порядке и сохранить основной костяк своих боевых сил и руководителей для будущих боев. В ходе восстания удалось добиться единства действий внутри рабочего класса и революционной демократии в целом. Жестокой расправой с участниками декабрьских боев царизм еще больше восстановил против себя народные массы внутри страны и прогрессивное мировое общественное мнение.

Накануне IV съезда РСДРП большевики и меньшевики опубликовали проекты резолюции по вопросу о вооруженном восстании, в которых нашли отражение

⁵⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 276.

⁵⁵ Партийные известия, 1906, 7 февр. Интересно отметить, что эсеры открыто осудили выступление Плеханова в связи с Декабрьским восстанием. Назвав его типичным меньшевиком, эсеровский публицист писал, что своими рассуждениями по поводу восстания Плеханов дает такой же «урок бездействия», как и кадеты. Если кадеты предлагают организовать сначала общественное мнение всей России, а потом уже общими силами оказывать сопротивление реакции, то Плеханов хочет сначала «просветить отсталых», а потом идти в ногу с передовыми. Одно стоит другого,

саркастически замечал автор статьи. См.: Сознательная Россия. СПб., 1906, вып. 2, с. 57, 58.

⁵⁶ Н. Рахметов (Оскар Блюм) — меньшевик-плехановец, жил в Берне, во время революции вернулся в Россию. С 1909 г. провокатор. Известен своими ликвидаторскими выступлениями против революционной тактики пролетариата.

⁵⁷ Архив Дома Плеханова, ед. хр. В.56.1, л. 1.

⁵⁸ Там же, ед. хр. АД.5/342.4, л. 9, 9 об.

⁵⁹ Там же, ед. хр. В.487.16, л. 1.

революционный и оппортунистический подход к этой важнейшей проблеме революции. В большевистском проекте, написанном Лениным, выдвигались следующие основные положения: мирная стачка, как показали события конца 1905 г., оказалась недостаточной; революционное движение со стихийной силой привело к Декабрьскому восстанию, выдвинувшему новую баррикадную тактику и доказавшему возможность открытой вооруженной борьбы народа против современного войска; в народных массах зреет сознание необходимости борьбы за реальную власть, овладеть которой можно лишь путем восстания. Исходя из этого, большевики считали, что: 1) вооруженное восстание является уже *фактически достигнутой* ступенью движения, которая открывает переход от оборонительных к наступательным формам борьбы; 2) всеобщая политическая стачка — это подсобное средство по отношению к восстанию, и ее нужно приурочивать к этому последнему; 3) необходимо критическое изучение опыта Декабрьского восстания; 4) следует развивать еще более энергичную деятельность по увеличению числа боевых дружин, улучшению их организации и вооружения; 5) необходимо усилить работу в войсках; 6) направить усилия на объединение действий рабочих и крестьян в целях организации в дальнейшем по возможности одновременных и совместных боевых выступлений⁶⁰.

Меньшевики противопоставили этому четкому и конкретному плану большевиков свои традиционные тезисы: «Наиболее верным и скорым способом подготовки восстания является расширение и усиление агитационной деятельности партии»; вредно направлять все усилия исключительно на нелегальную работу по подготовке восстания в ущерб легальной деятельности среди масс; партия не может принимать на себя «возбуждающие ложные надежды» обязательства вооружить народ и т. д. Кроме того, меньшевики считали необходимым противодействовать любым попыткам вовлечь пролетариат в восстание при неблагоприятных условиях, независимо от того, вызывают ли такие попытки провокациями правительства или «бунтарскими иллюзиями бессмысленного революционизма»⁶¹.

⁶⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 226, 227.

⁶¹ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП: Протоколы. М.,

Таким образом, меньшевики совершенно уклонились от анализа опыта Декабрьского восстания, предлагали свести всю подготовку нового вооруженного выступления почти исключительно к агитационной работе и перенесли центр тяжести резолюции на предупреждение несвоевременных выступлений, превратив тем самым свой проект фактически в резолюцию *против* вооруженного восстания, как назвали ее большевики⁶². С каждым новым выступлением меньшевиков по этому вопросу становилось все яснее, что разговоры о восстании являются для них лишь ширмой для протаскивания оппортунистической идеи о первенствующем значении легальных, прежде всего парламентских, форм борьбы.

Комиссия, избранная на съезде для «согласования» большевистского и меньшевистского проектов резолюции о вооруженном восстании, заседала под председательством Плеханова два дня, но не пришла ни к какому определенному решению. Поэтому она предложила съезду целых три проекта резолюции (третий принадлежал бывшему «экономисту» Акимову и носил архиоппортунистический характер: в случае, если Дума обеспечит стране политическую свободу, вообще отказаться от восстания, ибо правительство потеряло свою экономическую опору и упадет «само собой», а у пролетариата все равно нет ни организации, ни оружия для того, чтобы обеспечить успех нового восстания)⁶³.

Обсуждение вопроса на пленарных заседаниях съезда проходило в обстановке острейшей борьбы. Л. Б. Красин, защищавший проект большевиков, отметил, что меньшевистская резолюция во многом сходна с проектом Акимова: «Она проникнута таким же отсутствием веры в вооруженное восстание, таким же нежеланием принять живое, активное участие в его подготовке». Вопрос о восстании, продолжал Красин, ставится меньшевиками как-то неискренне, как будто составители проекта не

1959, с. 568. Аналогичная точка зрения развивалась меньшевиками и в статье «Вооруженное восстание и подготовка к нему» (Партийные известия, 1906, 20 марта), в которой провозглашался тезис о том, что ближайшей задачей РСДРП является не подготовка восстания, а участие в кампании по выборам в Государственную думу.

⁶² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 52.

⁶³ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП: Протоколы, с. 364, 365. Выступление Акимова вызвало откровенный смех делегатов и никакого влияния на ход прений не оказало.

верят в серьезную возможность восстания или боятся признать свою веру в него. Красин подчеркнул также, что меньшевики подходят к вопросу о подготовке восстания совершенно идеалистически, сводя все дело к «оружию критики» и забывая о необходимости дополнить его в решающий момент «критикой оружием»⁶⁴.

Оппонировавший Красину меньшевик Череванин пытался оспорить вывод большевиков о том, что московское восстание доказало возможность борьбы с современным войском. При этом он подчеркнул, что технической подготовке восстания меньшевики придают «совершенно второстепенное значение»⁶⁵. «Отходную» восстанию пели и меньшевистские делегаты-практики, например Алексеенко из Харькова, прямо признавший Декабрьское восстание ошибкой⁶⁶. Что касается Аксельрода, то он просто высмеял саму идею технического руководства восстанием со стороны социал-демократии, заявив, что сильно сомневается, оказался ли бы, например, Плеханов пригодным для подобной деятельности, хотя он и учился в кадетском корпусе. При этом Аксельрод докатился до смехотворного утверждения, что в деле восстания толковый и храбрый офицер или даже унтер-офицер «стоит целого десятка Марксов вместе взятых»⁶⁷.

Принял участие в прениях и Плеханов, ограничившись, однако, повторением ставшего уже традиционным для меньшевизма тезиса о том, что массы еще не доросли до понимания необходимости вооруженной борьбы и потому революционная агитация должна играть пока в деле подготовки восстания главную роль⁶⁸.

Меньшевистская постановка вопроса о восстании была подвергнута резкой критике в выступлениях многих большевистских делегатов. «Мы... повторяем и не устанем повторять, — сказал А. В. Луначарский, — [что] если в предстоящих грозных столкновениях народа с правительством партия хочет сохранить свое выдающееся

⁶⁴ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП: Протоколы, с. 365, 366.

⁶⁵ Там же, с. 371, 372.

⁶⁶ Там же, с. 386. Примерно в это же время в меньшевистском сборнике «Отклики современности» была опубликована статья, в которой ошибкой признавалось декабрьское восстание в Ростове-на-Дону. См.: Отклики современности, 1906, № 3, с. 75—78.

⁶⁷ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП: Протоколы, с. 254.

⁶⁸ Там же, с. 376—378.

положение, приобрести руководство массами, она должна стать не только партией мирных реформ, не только партией миссионеров и просветителей, но и военной партией»⁶⁹. В. В. Воровский подчеркнул, что меньшевики не верят в восстание и заменяют его конкретную подготовку общими разговорами о задачах социал-демократии в революции⁷⁰. Наконец, Ленин охарактеризовал все выступления меньшевиков по вопросу о восстании как «скрытое, мелочно скрытое отречение от декабрьского восстания. Взгляд Плеханова: „не нужно было браться за оружие“ всецело проникает всю вашу резолюцию...» — заявил он, обращаясь к меньшевикам⁷¹.

В итоге на съезде, где преобладали меньшевики, была принята меньшевистская резолюция по вопросу о восстании, хотя большевикам и удалось внести в нее ряд существенных изменений и поправок. Был добавлен, в частности, специальный абзац, в котором говорилось о необходимости «усилить и систематизировать пропагандистскую и организационную деятельность в войске и военно-учебных заведениях», снято то место меньшевистского проекта резолюции, где говорилось об агитации как лучшем методе подготовки восстания⁷². Тем не менее в целом эта резолюция была весьма далека от революционной точки зрения на восстание.

1906 год и первая половина 1907 г. прошли для большевиков под знаком большой практической работы по подготовке нового восстания. Критически анализировался опыт декабрьских боев, примером чему может служить знаменитая ленинская статья «Уроки московского восстания»⁷³. Значительно расширилась сеть военных организаций, гораздо большие масштабы приняли централизованные закупки оружия за границей и его изготовление в боевых организациях внутри страны, более интенсивно шло обучение боевых дружин. Большое внимание уделялось в этот период проблеме соединения рабочих и крестьянских восстаний, роли железнодорожного и водного транспорта в вооруженных выступлениях пролетариата и т. д.

⁶⁹ Там же, с. 376.

⁷⁰ Там же, с. 379.

⁷¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 391.

⁷² КПСС в резолюциях и решениях съездов. М., 1970, т. 1, с. 176.

⁷³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 369—377.

Большое значение придавали в это время большевики партизанской войне как новой форме вооруженного восстания, рожденной революцией 1905 г. Начавшись фактически еще в 1905 г. и будучи сразу же замечена и по достоинству оценена Лениным⁷⁴, она получила особенно широкое распространение на втором этапе революции в таких районах, как Урал, Польша, Грузия, Прибалтика. Формы ее были крайне разнообразны: захват складов с оружием и разгром полицейских участков, экспроприация денежных средств на нужды революции, активная борьба с черносотенцами и противодействие еврейским погромам и т. д. Эти смелые действия революционеров способствовали дезорганизации правительства, поддерживали в народе боевое настроение, помогали рабочим и крестьянам овладевать приемами вооруженной борьбы с правительством. Принципиально отличаясь от народовольческого или эсеровского террора, являвшегося продуктом заговорщической деятельности интеллигентских групп, партизанская война 1905—1907 гг. опиралась на революционное настроение масс и как бы перебрасывала мост от одной решающей битвы революции к другой, заполняя «паузы» между генеральными сражениями.

«Полуобъединение» РСДРП на IV съезде партии, с одной стороны, существенно продвигало вперед решение проблемы единства действий рабочего класса и тем самым способствовало более эффективной подготовке восстания, а с другой — создавало для большевиков определенные трудности, поскольку меньшевистское большинство ЦК явно тормозило практическую подготовку восстания. Однако большевики успешно преодолевали эти помехи и, оставаясь в рамках Устава партии и подчиняясь решениям IV съезда, продолжали организационно-техническую подготовку восстания.

Меньшевики, напротив, все больше скатывались к глубоко оппортунистическому, ликвидаторскому взгляду на весь период ноября — декабря 1905 г. как сплошную ошибку РСДРП. Как писал Л. Б. Красин А. М. Горькому и М. Ф. Андреевой, «Москва их ничему не научила.

⁷⁴ Первые ленинские высказывания о партизанской войне относятся к сентябрю 1905 г. (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 317). В 1906 г. Ленин посвятил этому вопросу специальную статью «Партизанская война». См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 1—12.

Вооружение, разработка планов восстания, организация боевых сил, их обучение — все это они рассматривают как простую игру в заговор...»⁷⁵. Одержимые идеей «общенациональной революции» при руководящей роли либеральной буржуазии, меньшевики уже открыто ставили в 1906 г. решение вопроса о восстании в полную зависимость от позиций «общества». То, что было в 1905 г. для Плеханова лишь одним из условий победы народного восстания, превратилось теперь для меньшевистской фракции в главное и решающее условие новой вооруженной схватки с царизмом. «Нужно готовиться к восстанию, — писал меньшевистский „Социал-демократ“. — Но восстание может победить только в том случае, если оно возникнет в результате общенациональной борьбы со старым режимом... если ему окажут поддержку в той или иной форме разные общественные классы, если на службу ему встанут достаточно авторитетные организации общественных сил, если оно сможет опереться на какой-нибудь общенациональный политический центр, который в сознании народа явится преемником самодержавной власти»⁷⁶.

Рост конституционных иллюзий, надежды на Думу как новый политический центр страны и главный фактор всего освободительного движения — все это лишало меньшевистские резолюции о восстании всякого конкретного содержания. Характерно, что Плеханов после съезда вновь стал открыто выступать против нового восстания. Примерно за месяц до Свеаборгского и Кронштадтского военных восстаний, которые произошли в июле 1906 г., Плеханов писал: «Не надо зажигать костер заговорщического восстания; надо продолжать поджаривать матушку-бюрократию на медленном огне массовой революционной агитации»⁷⁷. Он был абсолютно убежден в том, что партии следует сдерживать массы, если они попытаются вступить в новое вооруженное столкновение с правительством⁷⁸. Когда же восстания на Балтике все же стихийно вспыхнули и потерпели неудачу, Плеханов увидел в этом лишь новое подтверждение своих

⁷⁵ Мария Федоровна Андреева: Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. 3-е изд. М., 1968, с. 106.

⁷⁶ Социал-демократ, 1906 г., 17 (30) сент.

⁷⁷ Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 110.

⁷⁸ Архив Дома Плеханова, ед. хр. В.275.1, л. 4.

взглядов и с торжествующим видом пророка провозгласил: нам не нужно вспышкостельства, нам нужна победоносная революция, а ее нужно подготовить целым рядом агитационных и организационных усилий⁷⁹.

Характерно, что среди меньшевиков, наиболее откровенно ставивших вопрос о необходимости вообще снять лозунг вооруженного восстания, был сторонник Плеханова и Аксельрода Ю. Ларин (М. А. Лурье). В брошюре «Широкая рабочая партия и рабочий съезд» (сентябрь 1906 г.) он прямо признавал, что «Дума, ее состав и поведение играют неизмеримо важнейшую роль, чем все призывы и разговоры о вооруженном восстании, хотя бы оно и „назначалось“ в разных брошюрах и листках то на август, то на сентябрь. Русская революция не идет путем всенародного вооруженного восстания в действительном смысле этого слова, как североамериканская или польская»⁸⁰. При этом Ларин как бы мимоходом заметил, что декабрь 1905 г. был стихийным «взрывом отчаяния», а попытки летних восстаний 1906 г. прямо назвал «авантюристическим фарсом», выдвинув в качестве противовеса большевистскому лозунгу восстания призрачный путь к «Учредительному собранию без форменного восстания»⁸¹.

Отвечая Ларину, Ленин подчеркивал, что отрицание им восстания представляет собой насмешку над фактами, ибо события 1905—1906 гг. блестяще доказали, что наша революция развивается именно путем восстаний — разумеется, восстаний не североамериканского или польского, а русского типа, для которого характерно соединение массовой стачки и открытой вооруженной борьбы, партизанской войны и солдатских выступлений. Вместе с тем ларинский тезис о «пассивной революции» в деревне (борьба с помещиками и местным начальством, задержка в уплате налогов и т. п.)⁸², в сущности говоря означавший не что иное, как признание партизанской войны в сельской местности, показывал, что в вопросе о восстании Ларин, а вместе с ним и весь меньшевизм

⁷⁹ Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 164, 168, 311.

⁸⁰ Ларин Ю. Широкая рабочая партия и рабочий съезд. М., 1906, с. 34—35. Автор брошюры — меньшевик, работавший в годы первой русской революции на Украине и в Петербурге, делегат IV и V съездов РСДРП, сторонник идеи «рабочего съезда».

⁸¹ Ларин Ю. Указ. соч., с. 33, 63, 35.

⁸² Там же, с. 31, 28.

явно не свели концы с концами, запутались и тем невольно для себя подтвердили правоту большевиков⁸³.

Высказывания Плеханова по вопросу о вооруженном восстании, относящиеся к концу 1906—1907 г., уже не вносят ничего нового в его оппортунистическую концепцию «торможения революции». В ноябре 1906 г. в «Заметках публициста» он коснулся этой проблемы в связи с некоторыми высказываниями Троцкого на судебном процессе над членами Петербургского Совета рабочих депутатов, состоявшемся в сентябре 1906 г.⁸⁴ При этом Плеханов ограничился беглым замечанием, что теоретические рассуждения Троцкого вносят в вопрос о восстании «некоторый новый элемент ошибки», туманно пояснив, что, с точки зрения Троцкого, «для падения перихонских стен достаточно одного трубного звука»⁸⁵. Главный же огонь своей критики он сосредоточил на том месте из брошюры Ленина «Роспуск Думы и задачи пролетариата», где говорилось: «Возможно, и пожалуй всего более вероятно, что новая борьба разгорится так же стихийно и неожиданно, как предыдущие, в результате нарастания настроения и одного из неизбежных взрывов... Может быть, однако, что события потребуют от нас руководителей и назначения времени выступления. Если бы это оказалось так, то мы советовали бы назначить всероссийское выступление, забастовку и восстание к концу лета или к началу осени, к середине или концу августа»⁸⁶.

⁸³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 153—155.

⁸⁴ На процессе, защищаясь от обвинений в подготовке восстания в октябре — декабре 1905 г., Троцкий говорил: «Думал ли Совет рабочих депутатов, что вооруженное восстание может быть подготовлено в подполье и затем уже в готовом виде вынесено на улицу? Нет!.. Считал ли Совет рабочих депутатов, надеялся ли внести в это восстание максимум дисциплины и свести к минимуму его жертвы, думал ли... этот Совет, что готовиться к вооруженному восстанию — это значит заготовить запасы оружия, разбить город на кварталы, сделать все то, что делают военные власти, когда они ожидают каких-либо беспорядков? Нет!» (Товарищ, 1906, 4 (17) окт.).

⁸⁵ Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 231.

⁸⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 325. Большевики учитывали в данном случае ориентацию Всероссийского крестьянского союза на подготовку всеобщего выступления крестьян к концу лета 1906 г., когда они освобождаются от полевых работ. См.: Кириллов В. С. Большевики во главе массовых политических стачек в первой русской революции (1905—1907). М., 1976, с. 313.

Жизнь показала, что развитие событий пошло по первому из намеченных Лениным путей: восстания в Свеаборге и Кронштадте в июле 1906 г. вспыхнули стихийно и были быстро подавлены царскими властями, а всероссийского восстания крестьянства так и не произошло ни в конце лета, ни в начале осени. Однако Плеханов предпочел заметить в ленинской брошюре лишь вызвавший у него «улыбку сострадания» и «изумление» совет назначить восстание на август 1906 г.⁸⁷, совершенно умолчав о том, что сам Ленин признавал более вероятным повторение декабрьского варианта 1905 г., когда стихийный порыв масс обогнал организационно-техническую подготовку восстания пролетарской партией. При этом основными аргументами Плеханова были его недоверие к крестьянству, твердое убеждение в том, что оно может принять лишь мирный, думский путь борьбы за свое освобождение.

Свеаборгское и Кронштадтское восстания 1906 г. Плеханов называл «неуместными» и «вредными» при данном соотношении общественных сил выступлениями⁸⁸, а Декабрьское вооруженное восстание в Москве уже прямо квалифицировал теперь как «историческую ошибку»⁸⁹. Наконец, в 1907 г., который Плеханов фактически уже выносил за хронологические рамки революции, он в самых категорических выражениях повторял только одно: всякая новая попытка восстания окончилась бы неудачей, мысль о восстании должна быть решительно отброшена, говорить теперь о восстании значит повторять «сумасшедшие пустяки» и т. д.⁹⁰

Таким образом, за два с половиной года революции Плеханов прошел путь от горячего сторонника вооруженной борьбы, хорошо понимавшего значение всесторонней подготовки к восстанию и призывавшего пролетариат овладевать сложным искусством его организации и веде-

ния, до заурядного доктринера, напуганного неудачей первого серьезного боя рабочих дружин с царскими войсками и способного лишь пессимистически резонировать задним числом по поводу подобных «ненужных» попыток. Оставаясь на словах сторонником восстания, Плеханов фактически свернул его знамя задолго до того, как исчезли объективные условия для ведения вооруженных боев с царизмом, а своими оценками декабрьских событий 1905 г. в Москве лишь сыграл на руку врагам революции. Этот поворот стал симптомом разрыва Плеханова с революционной марксистской тактикой и вызвал справедливую критику со стороны большевиков и негодование передовых рабочих России.

⁸⁷ Аналогичные оценки этому плану («грезофарс») Плеханов давал и позже. См.: Война. Париж, 1915, с. 37.

⁸⁸ Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 234.

⁸⁹ Плеханов ссылался при этом на меньшевистский сборник «Москва в декабре 1905 г.», вызвавший справедливое возмущение и гнев Ленина, который откликнулся на его выход статьей «Руки прочь!», заклеив в ней ренегатскую попытку меньшевиков посягнуть на священную память героев декабрьских боев 1905 г. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 388—392.

⁹⁰ Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 272, 314, 315.